

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга — о книгах и о людях, которые делают книги. В ней есть и величественные двухтомные Библии в формате ин-фолио, и наскоро напечатанные на ксероксе журналы 2020-х годов, и многое между этими крайностями. В ней говорится о жизнях тех, благодаря кому многочисленные книжные формы — странные и по-своему изумительные, знакомые и новые — появились на свет. Она рассказывает о едва сохранившихся обрывках самых первых печатных книг XV века и о томах, которые в XVIII веке были созданы с такой типографской элегантностью и уверенностью, что умиротворенно плывут вперед, как заметил один наблюдательный историк, «поражая всех библиотекарей Европы». Она рассказывает о книгах до того совершенных, что мы невольно подходим к ним с благоговейным трепетом: «Только взгляните, как легла краска! Какой у нее переплет! Пощупайте бумагу!» И в ней же говорится о книгах, испещренных пометками читателей, живших много веков тому назад.

Опишу момент, когда история книги оживает. Я в Бодлианской библиотеке Оксфордского университета. Мне предстоит проработать стопку фолиантов, написанных Маргарет Кавендиш — герцогиней Ньюкасла (1623–1673). Она совершенно уникальна в очень многих отношениях — не в последнюю очередь как ученый (первая женщина, допущенная посещать собрания Королевского общества) и создательница чего-то в духе научной фантастики (ее «Пылающий мир»

1666 года посвящен девушке, которая вторгается в мир во главе воинства говорящих животных, а ее подводные лодки тянут «люди-рыбы»). Кавендиш также можно было бы назвать селебрити начала Нового времени. «Вся история этой леди как приключенческий роман», — писал в 1667 году Сэмюэл Пипс, целый день безуспешно пытавшийся взглянуть на ее экипаж. На титульных страницах она именовала себя «трижды благородной, достославной и сиятельной принцессой». Пипс представлял «ее лакеев в бархатных ливреях и саму ее в старинном платье» и был заворочен образом Кавендиш, кланяющейся из своей театральной ложи после постановки пьесы «Забавные любовники»^{*} ее же авторства.

Я уже добираюсь до середины ее «Стихов и фантазий», как вдруг замечаю какое-то темное пятно. Я присматриваюсь. Это чернила. Вглядываюсь еще ближе. Передо мной смазанный отпечаток пальца — по крайней мере, мне так кажется, ведь завитушки линий едва различимы.

След оставил тот, кто в 1664 году напечатал эту книгу. Случайная подпись, которой не должно там быть. На мгновение, будто при вспышке молнии, я вижу процесс производства.

XVII век. Типографская мастерская Уильяма Уилсона. Шум, закрытые бумагой окна, вонь. Печатник подхватывает со станка листы, на которых еще не высохла краска, и вешает их сушиться на веревки, высоко натянутые через всю комнату. По недосмотру он касается измазанным в чернилах пальцем полей. Потом этот лист высушат, сложат, сошьют, переплетут, его купит Бодлианская библиотека. Пройдет 359 лет — и на него посмотрю я. Конечно, отпечаток пальца не сможет призвать в наш мир того безымянного рабочего типографии, который держал страницу, но все-таки благодаря ему я вижу книгу Кавендиш тем, чем она фактически является: материальным объектом,

---

^{*} The Humorous Lovers. Здесь и далее, если не указано иное, прим. пер.

ВВЕДЕНИЕ

созданным небольшой группой людей в конкретный период. Книги — романы, трагедии, комедии — рассказывают нам всевозможные истории, но, если научиться правильно читать знаки на них, они расскажут нам кое-что еще: историю собственного возникновения.

«Книги и их создатели» — это история о том, как люди делали книги на протяжении примерно 530 лет: от самых первых печатных изданий голландца Винкина де Ворда, работавшего в Лондоне в 1490-х годах, до журналов нью-йоркского издательства BlackMass Publishing, вышедших в 2024 году. Мы поговорим о производстве бумаги между этими датами, о переплетах, о шрифтах, о Библиях-аппликациях, о библиотеках и печатнях, об огромных томах и эфемерных балладах, о насыщенных коллекционерах и об издателях, выпускающих в неделю по книге. Наш путь пройдет через Англию, Францию и Северную Америку, однако всякая история этого предмета неизбежно охватывает весь мир, так что придется побывать в Китае II века и в исламских странах VIII века.

«Книги и их создатели» — это история книгопечатания в биографических очерках восемнадцати человек — как мужчин, так и женщин, — каждый из которых внес или вносит сегодня очень важный вклад в развитие книги как материальной формы. Какие-то имена, возможно, вам знакомы, другие вы услышите впервые. Это будет совсем не та банальная переключка, которую можно ожидать.

Жизни многих наших героев подробно описаны. Мы смотрим в прошлое и видим объемное изображение — такова, в частности, Нэнси Кунард, печатавшая книги во французской глубинке в 1920–1930-х годах. Информация о других (вроде Сары Ивз — жены и партнера Джона Баскервилла из Бирмингема XVIII века) всегда была в архивах, однако историки ею не интересовались, старались не замечать. Третьи (например, Уильям Уайлдгуз — оксфордский переплетчик 1620-х годов)

скрыты в далеком прошлом, и мы видим их фрагментарно, проблесками. Мы как будто чуть-чуть опоздали войти в комнату: их уже нет, но книги их лежат стопками на письменном столе.

Еще «Книги и их создатели» — это история книги, в которой человек возвращается на заслуженное место. Здесь нет технологического детерминизма, когда к изменениям приводят абстрактные механические силы, и это не хронология изобретений. Повествование бурлит жизнью, наполнено непредвиденными обстоятельствами и прихотями, успехами и провалами. Мы видим пути, по которым пошли восемнадцать творцов, и пути, которые они не выбрали. Книги создают люди, и наша история о том, как они это делают. Кроме того, своей книгой я хочу отдать должное и книгопечатанию как технологии, ставшей сердцем человеческой культуры, и богатому и непредсказуемому своеобразию людей, благодаря которым эта технология сейчас с нами.

Важнейшая связь между книгой и человеком — одна из тем повествования. Другая тема — книги и время. Я буду раз за разом возвращаться к мысли о том, что книги сложным, очень многослойным, зачастую похожим на петлю образом связаны с этим понятием. Та книга, о которой я упомянул выше, существовала каждую секунду с 1664 года до дня, когда я взял ее в руки, и просуществует еще долго после того, как меня не станет. Книжные пометки — все эти читательские замечания, галочки, крестики, восклицания, следы повреждения и использования, нацарапанные свидетельства владения — становятся описанием этого путешествия.

Хотя моя книга построена хронологически от Винкина де Ворда до Юсуфа Хассана, она не подразумевает линейного развития. Речь не идет о том, что с течением лет книги как предметы обязательно становятся лучше. Историю как непрерывное усовершенствование воспринимали когда-то британские виги, однако такой подход ошибочен. Гутенберг выбрал

ВВЕДЕНИЕ

для первой печатной Библии бумагу с поразительно четкими водяными знаками в виде гроздей винограда, и современные промышленные достижения ее не превосходили. Качество оказалось сильнее времени — страницы по сей день выглядят так, какими их видели летним утром 1455 года. Уильям Моррис в Kelmscott Press использовал в 1890-х годах технологии средневековых манускриптов, хотя их время давно минуло. Напечатанные им книги пульсируют между историческими эпохами и относятся сразу к нескольким, а не к одной из них. В Doves Press Кобден-Сандерсона в начале XX века разработали шрифт, который напоминал буквы, изготовленные Николая Жансоном в Венеции 1470-х годов. Книги этого издательства были намеренным анахронизмом, они не вписывались в прогресс, бросали вызов технологическим тенденциям того периода, когда промышленная печать стремительно развивалась. Тесная хронологическая близость — ощущение, что какой-то предмет можно объяснить непосредственно тем, что идет за ним, — не всегда оказывается лучшим подходом к сравнению. Так, журнал *Savage Messiah*, который Лора Грейс Форд делала из вырезок в начале 2000-х годов для борьбы с джентрификацией Лондона, находит своего естественного собеседника в коллажных, аппликационных Библиях Мэри и Анны Коллетт, живших в 1630-х годах.

«Книги и их создатели» — это история физически напечатанной книги, написанная в наши дни, когда культура все больше переходит в интернет. Я решил не посвящать целую главу электронным книгам и онлайн-изданиям, хотя героям последней главы есть что сказать на эту тему. Чтобы понять связь между цифровым и печатным миром 2020-х годов, можно, скажем, заглянуть в историю и поискать там другие моменты, когда носители менялись, — например, переход от рукописей к печати в XV и XVI веке. Культура письменного текста не умерла, и отношения между этими мирами оказались в какой-то степени

взаимными. Ранние печатные книги, включая самую первую из них — Вульгату Гутенберга 1455 года, очень старались походить на манускрипты. Отчасти это связано с тем, что любой новый материал сначала должен завоевать доверие, и печать маскировала собственную новизну. Но дело еще и в более общей причине. Рукописные тексты оставались тогда единственными образцами. На что походить печатной книге, если не на них? Представление, будто новый носитель информации (печатный лист) вытесняет старый (лист манускрипта), просто ошибочно, и столь же неверно мнение, что «цифра» сегодня вытесняет печать. Самый популярный из ранних печатных жанров — альманах — активно поощрял читателя писать от руки. Один из них, за 1566 год, прямо предлагает себя в качестве места, где каждый «будет вести заметки, чтобы отметить любые достойные памяти дела, свершения и другие вещи, которые время от времени происходят». Появление печати совсем не истребило желание взяться за перо, а стало скорее, по словам историка книги Питера Сталлибрасса, «революционным побуждением писать от руки». Цифровую культуру и печать вполне можно воспринимать как аналогичный взаимообмен и видеть не дарвиновскую борьбу за выживание, а катализатор, искру для новых открытий в книгопечатании. Сейчас продажи печатных изданий растут, ученые все чаще исследуют материальные книги и историю печати, и становится видна определенная взаимосвязь между нашими жизнями, все больше протекающими в онлайн-пространстве, и нарастающим изумлением от потенциала материального текста.

Простое, но глубокое воздействие цифровой культуры заключается в том, что возможности, которые открывает новая среда, меняют печать. Сегодня решение печатать книгу — сознательный выбор. До появления электронных изданий это было не так. Кроме того, благодаря существованию цифровой культуры — своего рода тени, пары, чего-то другого — печатная

книга обретает различные новые коннотации, включая, например, стойкость, неспешность, качество, стоимость, историю, время, глубину. Более старый формат меняется под действием нового. Одно дело — выпускать панковский журнал в 1970-х годах. Совсем другое — взяться за него же в 2009 году, когда вести блог становится все проще и популярнее. Это иное заявление о намерениях. В очерке 1919 года «Традиция и индивидуальный талант»^{*} Томас Стернз Элиот писал, что литературный канон меняется с появлением новых произведений, которые создают себе пространство и тем самым корректируют традицию. Схожим образом запоздалый приход «цифры» сделал печатную книгу другим объектом. Современные нам издатели малотиражных журналов вроде Крейга Аткинсона и Юсуфа Хассана выпускают книги уже в цифровую эпоху, однако их быстрые публикации скрепками и бумагой напоминают продукт доцифровой культуры — издания намеренно заниженного качества, которые уходят корнями в XX век. Слово «радикальный» происходит от латинского *radix* — «корень» — и подразумевает не только знакомое нам стремление к чему-то новому, но и желание обратиться к истокам. Печатные книги — те, которые я описываю в «Книги и их создатели», — радикальны в обоих смыслах.

Итак, давайте обратимся к печати, а точнее, перенесемся в шумный, людный, многоязычный Лондон 1492 года. В таверну входит голландец по имени Винкин. Звучит как завязка анекдота, но на самом деле так начинается эта история книги.

---

^{*} Tradition and the Individual Talent.

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Взрослые книги:

